

ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ И РЕЧЕВАЯ СПОСОБНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Хамидова Мунаввар Хайрулло кизи

*Магистрант 1 курса кафедры русского языка и литературы,
факультета языков и перевода, Наманганского государственного
института иностранных языков имени Исоххана Ибрата.*

Тел.номер: +998 94 172 17 23 E-mail: xamidovamunavvar@gmail.com

*Научный руководитель: **Мирзаназарова Азиза Мирзаабдуллаевна**
SPIN-код: 2781-3025*

*Доцент кафедры русского языка и литературы литературы
Наманганского государственного института иностранных языков имени
Исоххона Ибрата.*

E-mail: aziza.mirzanazarova@mail.ru Тел.номер: +998934968367

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.21159125>

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема разграничения языковой и речевой способностей в контексте эволюции лингвистических и психофизиологических теорий. Цель работы — систематизировать классические подходы и сопоставить их с современными нейробиологическими и когнитивными данными. Методологической основой выступает междисциплинарный синтез структурно-семиотического, генеративного и клинично-нейропсихологического подходов. В результате показано, что языковая способность и речевая способность не тождественны: первая представляет собой инвариантную систему правил и лексических репрезентаций, вторая — динамический процесс актуализации этой системы в реальном времени, подверженный психофизиологическим ограничениям. На материале моторной и сенсорной афазий обосновывается возможность диссоциации данных феноменов при локальных поражениях мозга. Заключается, что перспективные направления исследования лежат в области изучения нейродинамических переходов от статического знания к процедуральному исполнению, а также в разграничении человеческой коммуникации и имитационных моделей искусственного интеллекта. Предложены практические рекомендации для логопедии, педагогики и оценки систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: языковая способность, речевая способность, компетенция, исполнение, афазия, нейролингвистика, когнитивная лингвистика, психоллингвистика, речепорождение, билингвизм, афазиология, искусственный интеллект.

Abstract. This article examines the problem of distinguishing between language and speech abilities in the context of the evolution of linguistic and psychophysiological theories. The aim of the study is to systematize classical approaches and compare them with modern neurobiological and cognitive data. The methodological framework consists of an interdisciplinary synthesis of structural-semiotic, generative, and clinical-neuropsychological approaches.

The results show that language ability and speech ability are not identical: the former is an invariant system of rules and lexical representations, while the latter is a dynamic process of actualizing this system in real time, subject to psychophysiological constraints. Based on the material of motor and sensory aphasias, the possibility of dissociation of these phenomena under local brain lesions is substantiated. Practical recommendations for speech therapy, pedagogy, and evaluation of artificial intelligence systems are proposed.

Keywords: language ability, speech ability, competence, performance, aphasia, neurolinguistics, cognitive linguistics, psycholinguistics, speech production, bilingualism, aphasiology, artificial intelligence.

Введение. В повседневной жизни знание языка и умение говорить на нём часто воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и не требующее разграничения. Однако углублённое научное исследование речевой деятельности, что эти два феномена имеют принципиально различную природу. Актуальность данной проблемы обусловлена, во-первых, её фундаментальным значением для понимания устройства человеческого сознания, а во-вторых, прямым выходом в прикладные области — логопедию, нейролингвистику, методику преподавания иностранных языков и разработку систем искусственного интеллекта. Центральный вопрос, на который предстоит ответить, заключается в следующем: является ли речь просто внешним проявлением языковой системы или же языковая и речевая способности представляют собой относительно автономные механизмы, которые могут существовать раздельно?

Цель настоящего исследования — систематизировать теоретические подходы к разграничению языковой и речевой способностей, с привлечением данных нейролингвистики. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ структурно-семиотического подхода Ф. де Соссюра; рассмотрение генеративной теории Н. Хомского; изучение психолингвистических моделей речепорождения; интерпретация данных афазиологии как доказательства диссоциации изучаемых феноменов; оценка вызовов, которые современные технологии искусственного интеллекта предъявляют классическим представлениям. Научная новизна работы состоит в комплексном сопоставлении классических лингвистических дихотомий с новейшими данными нейронаук и анализом феномена машинной генерации речи. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийного аппарата и выявлении эвристического потенциала каждого из рассмотренных подходов. Практическая ценность определяется возможностью использования выводов в реабилитационной и педагогической практике.

Основная часть Первое фундаментальное различие между языком как системой и речью как индивидуальным актом было введено основоположником структурной лингвистики Фердинандом де Соссюром [4]. В его концепции язык (langue) представляет собой социально закреплённый инвариант, совокупность знаков и правил их комбинирования, которая существует вне отдельного индивида и

передаётся из поколения в поколение. Речь (parole) , напротив, является актом воли и понимания, посредством которого эта система реализуется в каждом конкретном коммуникативном событии. Соссюр уподоблял язык шахматным правилам, а речь — конкретной партии, которую играет тот или иной шахматист. Исследователь сознательно исключал речь из предмета собственно лингвистики, считая её объектом психологии и физиологии. Такой методологический ход позволил построить лингвистику как строгую дисциплину с чёткими границами, но ценой этого стало игнорирование живых процессов говорения и восприятия речи. Тем не менее, именно соссюровская дихотомия задала вектор для всех последующих дискуссий о соотношении статики и динамики в языке.

Качественный сдвиг в понимании исследуемой оппозиции произошёл в работах американского лингвиста Ноама Хомского [7]. В отличие от Соссюра, рассматривавшего язык как внешний социальный феномен, Хомский помещает языковое знание внутрь ментальной сферы носителя. В своей теории он различает компетенцию (competence) и исполнение (performance) . Компетенция трактуется как врождённая способность, позволяющая говорящему продуцировать и понимать бесконечное множество новых предложений на основе конечного набора синтаксических правил. Это внутреннее знание, которое составляет биологический фундамент человеческой когниции. Исполнение же — это реальное использование языка в коммуникации, которое всегда несовершенно и «зашумлено»: оно подвержено влиянию ограничений оперативной памяти, колебаний внимания, усталости, эмоционального состояния и периферических артикуляционных сбоях [5].

Хомский настаивал на том, что лингвистика должна изучать именно компетенцию, а исполнение не отражает глубинной природы языкового знания и должно быть исключено из анализа. Данная позиция вызвала ожесточённую критику со стороны психолингвистики, представители которой указали, что игнорировать реальные процессы порождения и восприятия речи невозможно, если мы стремимся понять, как язык реально функционирует в сознании человека

В российской психолингвистической традиции, восходящей к школе Л.С. Выготского и развитой А.А. Леонтьевым [3], была разработана многоуровневая модель порождения речевого высказывания. Согласно этой модели, путь от мысли к слову проходит несколько этапов: от возникновения мотива и общей интенции через этап внутреннего программирования на уровне смыслов к грамматико-лексическому структурированию и, наконец, к моторной артикуляционной реализации. Принципиально важным является наблюдение, что каждый из этих этапов может нарушаться изолированно от других. Например, человек может точно знать, что хочет сказать (интенция сохранена), но испытывать мучительные трудности с подбором нужного слова. Или, напротив, предложение строится грамматически правильно, но полностью не соответствует коммуникативной задаче. Это свидетельствует о том, что языковая способность не является монолитным блоком, а состоит из нескольких относительно автономных подсистем, и речевая реализация —

лишь одна из них, причём весьма зависящая от текущего психофизиологического состояния.

Наиболее убедительные эмпирические аргументы в пользу диссоциации языковой и речевой способностей предоставляет клиническая нейролингвистика, и в частности, данные афазиологии. Афазии представляют собой системные нарушения уже сформированной речи при локальных поражениях головного мозга. Ещё в XIX веке Поль Брока и Карл Вернике описали два диаметрально противоположных клинических синдрома. При поражении нижней лобной извилины левого полушария, получившей название зоны Брока, развивается моторная афазия [1]. Пациент с таким повреждением утрачивает способность к плавному артикулированному говорению, его речь становится затруднённой, отрывистой, телеграфной. Однако понимание обращённой речи и осознание грамматической структуры языка остаются в значительной степени сохранными. Это означает, что языковая способность как система знаний почти не пострадала, в то время как речевая способность как моторный навык и умение строить высказывание в реальном времени оказалась серьёзно нарушена.

При поражении височной области, называемой зоной Вернике, клиническая картина меняется на противоположную и развивается сенсорная афазия [2]. Внешне речь таких пациентов остаётся беглой, плавной, иногда даже чрезмерно обильной, однако она лишена смыслового содержания, грамматически искажена, в ней наблюдаются многочисленные замены слов (парафазии). Сам пациент не осознаёт дефектности своей речи и испытывает серьёзные трудности в понимании того, что говорят другие. Здесь мы наблюдаем обратную ситуацию: речевая активность как внешний процесс формально присутствует и даже сохраняет свою беглость, но языковая способность как система значений, правил и репрезентаций разрушена. Эти клинические паттерны с несомненностью доказывают, что нейронные ансамбли, ответственные за хранение лексикона и синтаксических правил, и ансамбли, реализующие артикуляционное программирование и фонематический анализ, функционально и анатомически различны, хотя и связаны между собой множественными проводящими путями.

В последние десятилетия классические представления о соотношении языка и речи подвергаются активному пересмотру под влиянием двух важных факторов. С одной стороны, в когнитивной науке набирает силу эмбодимент-подход (embodied cognition), который акцентирует телесную обусловленность всех когнитивных процессов, включая язык [8]. Сторонники этого направления утверждают, что язык не может существовать в виде абстрактного кода, оторванного от физического тела.

Ритм дыхания, строение артикуляционного аппарата, возможности голосовых связок, жестикуляция — всё это не является вторичными добавками к языку, а активно формирует его синтаксический и семантический потенциал. С этой точки зрения речевая способность оказывается не просто придатком языковой компетенции, а её онтогенетической и филогенетической основой. Некоторые исследователи

даже предполагают, что синтаксические структуры могли возникнуть из последовательности жестов и движений, а не из абстрактных логических операций.

С другой стороны, стремительное развитие больших языковых моделей (Large Language Models) в области искусственного интеллекта ставит перед исследователями принципиально новый вопрос: возможна ли речевая способность при полном отсутствии языковой способности в хомскианском понимании? Современные нейросети демонстрируют впечатляющую способность генерировать связные, грамматически правильные и стилистически разнообразные тексты, то есть они обладают полноценным исполнением (performance). Однако никто не станет утверждать, что такая модель обладает врождённой грамматикой, интенциональностью или подлинным пониманием смысла [6]. В её основе лежит лишь статистическая обработка колоссальных объёмов текстовых данных и выявление вероятностных закономерностей распределения слов. Это означает, что мы наблюдаем ситуацию, в которой речевая способность симулируется на высоком уровне при практически полном отсутствии языковой способности как внутренней ментальной системы. И наоборот, глухонемой ребёнок, овладевающий жестовым языком, безусловно обладает языковой компетенцией, хотя его речевая способность в звуковом смысле отсутствует. Этот контраст имеет огромное значение для философии искусственного интеллекта и для разработки критериев, позволяющих отличать подлинную человеческую коммуникацию от её машинной имитации.

Заключение Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов. Во-первых, языковая и речевая способности не являются тождественными и не сводимы друг к другу. Языковая способность выступает как инвариантная система правил и лексических единиц, хранящаяся в долговременной памяти и имеющая преимущественно статическую природу. Речевая способность представляет собой динамический процесс актуализации этой системы в реальном времени, разворачивающийся с учётом текущих психофизиологических ограничений и коммуникативных условий. От структуралистского разрыва социального и индивидуального через генеративный примат ментального к современной нейробиологической локализации прослеживается устойчивая тенденция: чем глубже исследование проникает в мозговые механизмы, тем очевиднее становится множественность и функциональная специализация субстратов, обслуживающих язык и речь. Во-вторых, их взаимодействие не является односторонним и линейным. Речь, будучи реализованной, способна модифицировать языковую систему — именно так в языке закрепляются новые слова, конструкции и обороты. В то же время языковая система направляет и ограничивает речевое поведение, задавая допустимые пределы варьирования. Это означает, что язык и речь находятся в отношении динамического равновесия и взаимного влияния, что исключает их полное отождествление, но и не допускает их абсолютного разрыва.

На основе проведённого исследования предлагаются следующие практические рекомендации:

1. В логопедической и нейролингвистической практике восстановление речи должно строиться с опорой на сохранный звено. При моторной афазии реабилитацию следует организовывать через сохранённое понимание речи, используя его как основу для восстановления экспрессивной стороны. При сенсорной афазии целесообразно опираться на сохранные артикуляционные возможности и использовать их для коррекции смысловой стороны высказывания

2. В методике преподавания иностранных языков необходимо соблюдать баланс между системным знанием (правила, грамматика, лексика) и живой коммуникативной практикой.

Чрезмерное увлечение грамматическими упражнениями без реальной речевой практики приводит к формированию «мёртвого» знания, которое не актуализируется в общении. В то же время чисто разговорный подход без систематического освоения грамматической основы не позволяет выйти на уровень свободного владения

3. При оценке и разработке систем искусственного интеллекта, претендующих на коммуникативные функции, следует ориентироваться не столько на беглость генерации текста, сколько на критерии понимания, контекстуальной чувствительности и интенциональности. Способность генерировать грамматически правильные предложения ещё не свидетельствует о наличии языковой способности в человеческом смысле.

Список литературы

1. Брока П. Замечание о месте нахождения факультета членораздельной речи // Хрестоматия по нейролингвистике / под ред. Т.В. Ахутиной. — М.: Академия, 2005. — С. 45–51.
2. Вернике К. Афазический симптомокомплекс // Хрестоматия по нейролингвистике / под ред. Т.В. Ахутиной. — М.: Академия, 2005. — С. 112–128.
3. Леонтьев А.А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — М.: Наука, 1969. — 308 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
5. Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 122 с.
6. Bender E.M., Koller A. Climbing towards NLU: On Meaning, Form, and Understanding in the Age of Data // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. — 2020. — P. 5185–5198.
7. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. — Cambridge, MA: MIT Press, 1965. — 251 p.
8. Shapiro L. Embodied Cognition. — New York: Routledge, 2011. — 238 p.